

Фестиваль был создан, чтобы отслеживать жизнь русских театров на просторах бывшего СССР. Одним из мероприятий фестиваля был круглый стол «Пространство без границ. Диалог культур как условие развития общества» — с участием властей предрержащих, режиссеров и артистов.

Среди выступавших был и Кама Гинкас, о «диалоге культур» знающий не понаслышке. Об этом с режиссером побеседовал корреспондент «ВП».

Кама ГИНКАС:

**Искусство —
как жизнь,**

**пробивающая асфальт,
несмотря ни на что**

**ВЫДАЮЩИЙСЯ ТЕАТРАЛЬНЫЙ РЕЖИССЕР
В АПРЕЛЕ ПОБЫВАЛ В ПЕТЕРБУРГЕ
НА ФЕСТИВАЛЕ «ВСТРЕЧИ В РОССИИ»**

— Я русский режиссер литовского происхождения с очень резким еврейским акцентом.

Кама Гинкас — ученик Георгия Товстоногова.

ВОПРЕКИ ГРАНИЦАМ

— Кама Миронович, ваша биография находится на стыке разных культур. В каком они соотношении друг с другом?

— Мне часто приходится отвечать на подобные вопросы, и я давно сформулировал ответ. Вот он: я, конечно же, русский режиссер — литовского происхождения с очень резким еврейским акцентом. Я ученик Товстоногова, а стало быть, наследую традициям русского психологического театра. Визуальная же сторона моей режиссуры во многом связана с литовской культурой; с уникальной литовской деревянной скульптурой, которую я собирал в юности. В Литве я жил среди католиков, что также не могло не внести свой вклад в мое сознание. Наконец, я чистокровный еврей. И мой менталитет, неконтролируемые рефлексии и другие человеческие проявления — все сугубо еврейские. Я слишком нервен, темпераментен, может быть, слишком пессимистичен.

— А когда в человеке столько национальных «слагаемых», что ему помогает идентифицировать себя с тем или иным народом?

— В первую очередь — ощущение причастности к определенному племени. Когда ты принимаешь как его положительное, так и отрицательные стороны, вос-

хищаешься гениями своего народа, стыдишься позорных его проявлений.

Я воспринимаю себя как часть вековой цепи, идущей от Авраама, пережившей Вавилонское и другие изгнания, помнящей египетское рабство...

Я ощущаю причастность к моим сородичам, которых сжигала испанская инквизиция и которые пережили холокост.

Скажу больше. Тысячу лет назад, когда я с театром впервые оказался в Израиле, я вышел из аэропорта, посмотрел вокруг — и понял, что уже был здесь. Среди белых камней появилась козочка, а за ней — какой-то человек в белых длинных одеждах. И я узнал его. Я воспитан на христианской живописи — где среди камней обязательно кто-то пасет скот, и этот Пастырь обычно пишется с большой буквы...

С другой стороны, я горжусь тем, что литовский театр сегодня — один из лучших в мире; горжусь и русским театром, считая его уникальным явлением.

— Литовцам, мне кажется, по духу близко язычество — с его стихийностью...

— Кто такой язычник? Тот, кто одушевляет камень, дерево, змею... Тот, кто одушевляет море. Сдержанные литовцы очень далеки от стихийности. Они, кстати, никогда не ощущали христианство с его многочисленными запретами (которых в язы-

честве почти нет) как некое ярмо, легко сочетаемое со своим, если хотите, языческим духом. И это сочетание дало поразительный результат. Вот пример из любимой мной литовской скульптуры. Как литовский крестьянин, верующий в Христа и Божью Матерь, изобразит страдание, муку? Он вырежет из дерева большую женщину с крупным лицом, у которой на коленях возлежит голенький человек. Это Христос, снятый с Креста, худенький, словно тонкая дощечка, ребрышки видны. А на груди у Божьей Матери огромное деревянное сердце, в которое воткнуто семь мечей, и деревянные капли крови капают из этого сердца. Это прямое, простодушно, а можно сказать, и языческое понимание невыносимой муки.

Или другой популярный вид скульптуры — «Рупентоелис», иначе говоря «Заблудившийся». Голый человек — что-то вроде роденовского «Мыслителя». Это Христос, по-крестьянски сидящий в усталой задумчивой позе. Чресла перевязаны деревянным полотенцем, на голове деревянные же иголки — терновый венец. Лицо печальное; смотрит перед собой то удивленно, то вдумчиво, а иной раз тупо. Литовцы вообще восприняли христианство простодушно, наделив его, тем самым, особым обаянием.

МЫ УЧАСТВОВАЛИ В АНТИРУССКИХ ДЕМОНСТРАЦИЯХ И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ОКАЗАЛИСЬ В ПЛЕНУ У РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

— А что в вашей жизни было примером того, как отдельные личности проламывают границы?

— Здесь взаимосвязь людей и событий. Скажем, моим классным руководителем в литовской школе была еврейская женщина Роза Глинтершик. Она не говорила по-литовски. Мы, школьники, уже были довольно сознательные и резко отрицательно относились к советской власти, которую, конечно же, отождествляли со всем русским. Некоторые из нас удосужились не только

участвовать в антисоветских (антирусских) демонстрациях, но и побывать в КГБ. Представьте себе, каким это казалось оскорблением: не зная литовского, внедрять русский язык и литературу. И вот Роза Владимировна непонятным образом влобляет нас в Толстого, в Некрасова и, что самое ужасное, в Маяковского. Она открывает нам, что Маяковский, казавшийся столь противным из-за стихов о паспорте, жил и до советской власти и что даже в советское время он писал потрясающие стихи. Вот и противоре-

чие: мы участвуем в антирусских демонстрациях и в то же время оказываемся в плену русской литературы.

Плен этот был настолько силен, что с помощью уже Томаса Венцловы, замечательного литовского поэта, а в то время нашего старшего друга, мы взволнованно следили за тем, что происходило в Москве с Пастернаком. Мы тогда называли Пастернака Класюшей — домашним его прозвищем. А спустя какое-то время, когда Иосифу Бродскому было особенно трудно в Ленинграде, его

приютили у себя дома в Вильнюсе мой одноклассник Адам Катилиос и его старший брат Рамунас. Иосиф неоднократно приезжал в Литву. Некоторое время спустя Иосиф и Томас Венцлова, оба изгнанные из страны, встретились в Америке. Иосиф помог Томасу устроиться в Йейльском университете. И совсем недавно в Вильнюсе вышла книга «Иосиф Бродский в Литве». Воспоминания собрали и издали Адам и Рамунас Катилиосы и Томас Венцлова. Вот вам и диалог культур.

Или — опять же возвращение долгов.